

Письмо в редакцию

НАУКА, ПАМЯТЬ И ЗАБЫВЧИВОСТЬ

Забывчивы не только ученые. Забывчива и сама наука, особенно историческая наука, которая, казалось бы, призвана хранить коллективную память человечества. Именно этой теме, т. е. забывчивости науки, была посвящена трехдневная конференция, организованная во французском городе Страсбурге в конце октября 1995 г. и проходившая под общим названием «История как симптом». Как можно догадаться по названию, организаторы ее были в основном специалистами по психоанализу. Действительно, конференция была устроена по инициативе ассоциации психоаналитиков «Апертура» и при участии муниципалитета города Страсбурга.

Обсуждение проблемы «памяти» и истории, когда история и психоанализ взаимно обогащают друг друга, вообще характерно для современной исторической науки Франции. Поднятая на конференции проблема и подход в целом представляются мне интересными и плодотворными для истории науки, что и вызвало желание поделиться своими наблюдениями и соображениями с читателями ВИЕТ.

Большая часть остальных докладчиков сосредоточилась на общей истории в контексте психоанализа, однако дискуссия часто возвращалась к докладам по истории естественных наук. Мэр города, госпожа Катрин Тротманн, богослов по образованию, сделала интересный и оригинальный доклад о функциях памяти и забывания в самосознании современного человека. Необычное сочетание психоаналитиков и историков, в том числе историков науки, предрасполагало к интересной дискуссии, которая и вправду состоялась.

Историки науки не раз замечали, что «у науки нет памяти». Замечание это, конечно, вызовет удивление: ведь наука — весьма кумулятивный вид интеллектуальной деятельности. Мы все знаем, что выдающиеся ученые опираются на прошлое науки — «стоят на плечах гигантов». Более того, ссылки на предшественников — необходимая составная часть любой научной статьи. Даже в так называемой «революционной науке», по Томасу Куну, прошлое не отбрасывается в сторону, но, напротив, радикально переосмысливается. С одной стороны, от него отталкиваются создатели новых парадигм. С другой стороны, части уже накопленного знания, приобретаая новый смысл, становятся основой новых парадигм. И все же наука забывчива.

В течение многих десятилетий история науки писалась учеными и для ученых. Основной вопрос, на который отвечали историки науки, формулировался примерно так: «Каким путем развивалась наука на пути к ее современному состоянию?». Другими словами, история науки прослеживала развитие научного знания, выявляя те события и тех ученых, которые внесли вклад в прогресс науки, как он понимается в каждый отдельный момент истории. Ведь смена парадигм, теорий и концепций приводит к тому, что и историю надо переписывать, выстраивая каждый раз новый ряд событий и персонажей. Таким образом, история науки, в большей своей части, является историей телеологической, т. е. описанием направленного процесса, перед которым стоит «цель»: достичь сегодняшнего состояния науки или по тем или иным причинам остановиться по дороге к нему.

Невольно напрашивается сравнение с печальной памяти историей КПСС. Всякий раз, когда изменялось руководство партии или даже ее генеральная линия, надо было переписывать историю, с тем чтобы новая версия соответствовала новой задаче. Тоталитарная историография напоминает историографию науки, хотя в последнем случае не идет речь о принуждении или о политической цензуре исторического знания. В обоих случаях предаются забвению факты, явления и герои, без которых были бы немыслимы более ранние варианты истории. Более того, в истории науки этот отбор был

обусловлен не чьим-то субъективным мнением, а казалось бы объективным ходом истории науки, хотя и понимаемым каждый раз по-новому.

На заседании по истории науки было прочитано три доклада. Один из докладчиков, Жозиан Ольф-Натан (*Josianne Olf-Nathan*) из университета им. Луи Пастера в Страсбурге, остановилась на историографии евгеники, а точнее на описании роли евгеники и расовой гигиены в становлении нацистской идеологии. Она проследила судьбу этой страницы истории в послевоенной Германии и показала попытки представить науку и ученых как «жертв национал-социализма», а не как активных «строителей нацизма». Ольф-Натан остановилась только на Германии и соответствующей историографии, но подобные исследования представляют особый интерес в сравнительном плане. Конфликт представлений об ученых как «жертвах» и как «участниках» существует в историографии науки многих стран от России и Германии или вишистской Франции до стран Южной Америки с их военными диктатурами. В настоящее время мы все больше узнаем о том, как репрессии и погромы в советской науке инициировались теми, кто по общему признанию того времени, были членами научного сообщества.

Историк науки Доменик Пестр (*Domenique Pestre*) из Парижа сделал доклад о «подрывной» роли историков науки в отношении мифов, передаваемых из поколения в поколение учеными. Доменик Пестр много лет занимался историей ядерной физики в Европе и, в частности, историей создания и деятельности ЦЕРНа — Европейского центра ядерных исследований (*Centre Europeenne de Recherche Nucleaire*). Для написания новой истории ЦЕРНа им и его коллегой Джоном Криге была изучена официальная и личная переписка ученых, переписка учреждений, другие архивные материалы, дошедшие из послевоенных лет, когда складывалось общеевропейское сотрудничество в области физики высоких энергий.

Картина, реконструированная Пестром, радикально отличалась от традиционной истории ЦЕРНа, известной всем его сотрудникам. Оказалось, в частности, что некоторые из признанных «отцов-основателей» ЦЕРНа, если судить по архивным материалам, предстают противниками самой идеи и носителями других моделей и научных проектов, нежели реализованные ЦЕРНОм. Физики встретили в штыки открытия и доклады Пестра с их изложением, приняв их как нападки на сами исторические основы их учреждения, но они не могли отрицать предъявленные им документы. Тем не менее, буквально через несколько дней после состоявшихся споров и признания документальной основы версии Пестра, один из руководителей ЦЕРНа снова выступил с докладом, в котором повторял все устоявшиеся стереотипы, опровергнутые документами. Докладчик не испытывал никаких затруднений — «неудобные» документы были вытеснены из исторического сознания ученого. На этом ярком примере Пестр показал важнейшую роль, которую играют «забывание» и «вытеснение» в производстве и воспроизводстве основополагающих мифов в истории науки.

Доклад автора этих строк открывал заседание. Я остановился на историографии советской науки, в которой забывание приобретало ряд особенностей по сравнению с тем, что происходило в истории науки в других странах. Действительно, с начала 30-х годов советские историки науки не только взяли на вооружение марксистский анализ социо-экономических корней научного знания, но и постепенно стали выводить на передний план русских ученых, отодвигая на задний план достижения немецкой науки, с которой наука российская поддерживала теснейшие связи в течение двух столетий. В эпоху развитого сталинизма, когда СССР не изготовил еще своего ядерного оружия, комплекс неполноценности достиг таких масштабов, что место всеми признанных западных ученых, которые предавались официальному забвению, предоставлялось неизвестным или малоизвестным в мире русским «ученым-самородкам». Как мы знаем, вся история страны была переписана в советское время настолько, что это можно было характеризовать как потерю коллективной памяти. Возможно, искреннюю кампанию по возвеличению русской науки, в которой участвовали многие из историков, начинавших свою научную карьеру в дореволюционной России, можно рассматривать как компенсацию потери некоторых разделов коллективной памяти — своего рода «анти-забывание».

В сравнении с общей историей СССР, история науки не могла полностью зачеркнуть имена репрессированных ученых. Опосредованное цитирование и западная научная литература сохраняли в советской научной среде память о «забытых» ученых. Такое явление не наблюдалось в истории СССР, из которой вычеркивались десятки и сотни имен, становившихся практически неизвестными для миллионов советских граждан, надежно защищенных от «тлетворного влияния» западной историографии. Поэтому неудивительно и то, что гласность в истории науки не дала большого эффекта в отношении преобразований советской и пост-советской науки, тогда как влияние гласности в истории партии и всего советского периода на будущее советского общества было поистине сильным. Гласность подорвала мифы, на которых зиждилось советское общество, и резко ускорила процесс мирного внутреннего распада СССР. Заполнение «белых пятен истории» обернулось обвалом, что нередко происходит и у пациентов, проходящих психоанализ.

Необычная конференция поставила немало вопросов, которые, надо надеяться, не предадут «забыванию» ни историки науки, ни специалисты по психоанализу. Хочется надеяться, что и в России найдутся историки, которые будут успешно участвовать в обсуждении такой проблематики и смогут принести с собой новые знания и новые идеи.

Я. М. Рабкин (Монреаль, Канада)

Ю. И. КРИВОНОСОВ

АНТАРКТИДА, ЛУНА, ГОЛЛАНДСКИЙ СЫР И ФРАНЦУЗСКОЕ ВИНО

(из истории взаимоотношений АН СССР и директивных органов)

Среди переписки Академии наук СССР и ЦК КПСС, находящейся в фонде Отдела науки и высших учебных заведений ЦК в Центре хранения современной документации, встречаются документы-курьезы. С одной стороны, они характеризуют степень зависимости Академии от директивных органов, с другой — показывают, какие «крупные» по значимости вопросы должны были решаться на высшем иерархическом уровне государственного управления в существовавшей системе распределения властных полномочий.

В связи с подготовкой к отплытию в Антарктиду советской экспедиции Академия наук обратилась в ЦК КПСС со следующим письмом*:

Секретно
Экз. № 1

6 ноября 1956 г.
№ ИНО — 0507.

О приглашении в СССР Голландского представителя для вручения подарка советской экспедиции, отъезжающей в Антарктику

Согласно решению,** Академия наук СССР направляет 25 ноября сего года экспедицию в Антарктику для проведения научных работ, связанных с Международным геофизическим годом 1957—1958. Нидерландское бюро производства молочных продуктов обратилось с просьбой к английской и русской экспедициям принять от голландских фермеров в дар головку сыра, как символ дружбы и пожелания успехов в работе. Предполагается, что в день отплытия советской экспедиции в Антарктику из порта Калининграда девушка в национальном голландском костюме вручит головку сыра руководителю экспедиции. Английская экспедиция дала согласие принять этот дар. Академия наук считает целесообразным принять сыр от голландских фермеров и разрешить приехать в СССР за счет Нидерландского бюро молочных продуктов голландской девушке для вручения советской экспедиции указанного подарка.

Просим Ваших указаний

Приложение на 2 л. н/с только в адрес***

Президент Академии наук СССР

академик А. Н. Несмеянов

И. о. главного ученого секретаря
Президиума Академии наук СССР

член-корреспондент АН СССР Н. М. Сисакян

* Фонд 5. Опись 35. Ролик 5774.

** Выражение «согласно решению» в принятой в то время практике переписки означает, что ранее было специальное решение именно ЦК КПСС по данному вопросу. В иных случаях надо было указывать, решение какого органа имеется в виду.

*** Эта формулировка означает «несекретно только в адрес ЦК КПСС».